

В.В.Беляев

АНТИЧНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДАНТЕ

Данте Алигьери (1265-1321), величайший поэт Италии, стал наиболее полным воплощением эпохи в истории не только Италии, но и человечества в целом - эпохи перехода от средних веков к новому времени. По словам Ф.Энгельса, "конец феодального средневековья, начало современной капиталистической эры отмечены колоссальной фигурой. Это - итальянец Данте, последний поэт средневековья и вместе с тем первый поэт нового времени"¹.

Время, в которое жил, боролся и творил Данте, было временем величайшего национального унижения Италии, но то же время, таковы парадоксы истории, было непосредственным кануном Возрождения (так называемая эпоха "Проторенессанса"). Известно, что Данте внес огромный вклад в этот грандиозный переворот. Если для нас Данте прежде всего поэт, создатель "Комедии" (лишь после его смерти Боккаччо добавил к названию эпитет "божественная"), то для современников поэта, изгнавших его из Флоренции, отнюдь не за художественные произведения, но за политическую деятельность, Данте был прежде всего политиком-практиком. Не только "Комедия", но и сугубо философские произведения поэта, средневековые по форме трактаты - "Пир", "Монархия", "О народном пресноречии" - насквозь тенденциозны и не могут быть поняты без анализа его политических взглядов. Поэтому проблема античных произведений в политической теории Данте сохраняет свою

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 382.

актуальность тем более, что ошибочная концепция, согласно которой Данте являлся идеологом объединения Италии, до сих пор не преодолена. Наиболее подробное и полное обоснование этой концепции можно найти в книге Л.М.Баткина². Авторы многих новейших работ о Данте также придерживаются этого взгляда, например, М.Л.Абрамсон³.

В действительности, Данте никогда не был идеологом национального объединения Италии. Нельзя считать простой случайностью, что эта теория возникала в эпоху Рисорджименто, то есть пять веков спустя после его смерти, с целью, может быть, неосознанной, "завербовать" посмертно на свою сторону великого провозвестника нового времени, чья гениальность как поэта, но отнюдь не как мыслителя и политика, уже давно признана всем человечеством. Сам Данте никогда не считал объединение Италии не только окончательной целью, но и вообще целью своей деятельности. Свой идеал он видел в римском государстве эпохи Октавиана Августа (30 г. до н. э. - 14 г. н. э.). В период принципата Августа, согласно христианскому вероучению, родился Иисус Христос, и, следовательно, его учение и деятельность обусловлена и связана с тем государством, подданным которого он являлся. Одного этого было достаточно для поэта, чтобы возвысить и идеализировать "век Августа".

Изгнанник Данте был свидетелем или активным участником нескончаемых войн, которые вели на территории Италии иностранные армии, войн и кровавых раздоров между отдельными итальянскими коммунами, а также гражданских распрей внутри коммун. Вот почему лозунг Pax Romana, выдвигавшийся Августом как символ прекращения гражданских распрей и смут, благоденствия римского народа и подчиненных ему народов всего остального мира (orbis terrarum), нашел в душе Данте столь живой отклик спустя много веков после краха Западной Римской империи.

Данте считал, что под властью Юлия Цезаря, а затем Августа Римское государство максимально приблизилось к идеалу государственного устройства. Этот идеал Данте считал достижимым и в будущем, причем в близком, обозримом будущем. Он писал: "*Бед omissa subtili investigatione, dicendum est breviter quod finis*

² Баткин Л.М. Данте и его время. Поэт и политика. М., 1965.
³ Абрамсон Л.М. От Данте к Альберти. М., 1979, с. 70-71.

totius et partis est removere viventes in hac vita de statu miseriae et perducere ad statum felicitatis" (Epistulae,

XII, 39)⁴. Для этой цели и был написан трактат "Монархия"; этой же цели Данте отдал много лет своей жизни.

Но каков же был на самом деле политический идеал государственного устройства Италии в представлении самого Данте?

Чтобы правильно поставить эту проблему, необходимо помнить, что и при Юлии Цезаре и при Августе римская республика формально продолжала существовать⁵. Официально Август носил титул принцепса (rei publicae restituae) восстановленной республики, при этом подразумевалось "восстановленной" после гражданских войн и мятежей, кульминацией, но отнюдь не окончанием которых было убийство заговорщиками-республиканцами диктатора Гая Юлия Цезаря в Мартовские Иды 44 г. до н.э. В свете вышесказанного становится понятным, почему Данте поместил убийц Цезаря - Брута и Кассия - в самую пасть Люцифера, рядом с Иудой, а императора Генриха III Люксембургского, коронованного в 1312 г. в Риме короной "Священной Римской империи", поместил в Райскую Розу за его поход в Италию, проходивший под лозунгами всеобщего примирения под его, Генриха, монаршей властью.

Вместе с тем, если и можно назвать Данте сторонником монархии (причем только и исключительно монархии мировой), то все же никак нельзя назвать его решительным противником республиканской идеи. Итальянские дантовские панегирики всемирной монархии, мы должны помнить, что "содержание, которое великий флорентинец вкладывал в понятие "монархия" и "империя", не идентичны монархическим представлениям нового времени и не исключает республиканских институтов... "Государство", "республика", "империя" являются у Данте понятием взаимозаменяемым. Когда он повторял изречение Туллия (то есть Цицерона. - В.Б.), "законы всегда должны быть толкуемы ко благу республики", он имел в виду монархию"...⁶

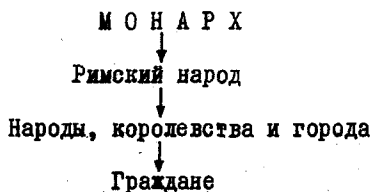
⁴ Но оставив тонкие изыскания, следует коротко сказать, что цель целого и части - это вывести живущих в этой жизни из состояния бедствия и обеспечить их благополучие и счастье".

⁵ В своем политическом завещании Август старательно подчеркивал, что власти он имел несколько не больше, чем его коллеги по магистратуре (auctoritate omnibus praestiti, potestatis autem nihilo amplius habui quam ceteri qui mihi quoque in magistratu conlegae fuerunt. - Mon. Anc., VI, 24).

⁶ Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971, с. 71.

В "Монархии" Данте писал: "...Хотя и говорится, что человеческий род может управляться единым верховным владыкой, не следует это понимать так, будто ничтожнейшие суждения любого муниципия могут проистекать от него (монарха. - В.Б.) одного непосредственно... Ведь народы королевства и города имеют свои особенности, которые надлежит регулировать разными законами"⁷.

Обращает на себя внимание, во-первых, латинский, почерпнутый из римского государственного права термин "муниципий", которым в римскую эпоху обозначались провинциальные города Италии, обладавшие различным правовым статусом (по закону Юлия в I в. до н.э. все города Италии получили полные римские гражданские права). В рассматриваемой проблеме существенно то обстоятельство, что внутри рамок дантовской утопии есть место для самоуправляющихся городов, которые равноправны с королевствами. Заботясь об "общем благе", всемирный монарх", по Данте, не подавляет исторически сложившихся форм общежития в разных концах Земли. Иерархическая, насквозь средневековая по форме социальная утопия Данте может быть проиллюстрирована следующей схемой:

Иначе говоря, Данте не требует государственного единства для итальянцев и вполне мирится с существованием самостоятельных королевств и городов во всем мире, причем Италия - не исключение. Усмотреть в "Монархии" идею национального единства Италии невозможно, но идея примата римского народа над всеми другими народами Земли является, напротив, одним из краеугольных камней мировоззрения Данте. По словам П.М.Бицилли, "монархия Данте - античная империя, сущность которой состоит в господстве одной национальности и одной культуры над всеми осталь-

⁷ Данте Алигьери. Малые произведения. М., 1968, с. 318.

ними"⁸. Исследователи, считающие Данте идеологом национального единства Италии, не учитывают того факта, что для Данте, собственно говоря, не существовало итальянского народа: он всегда пользовался термином "римский народ", считая, что "не существует никакого различия между античным миром и его эпохой (исключая различие религий). В этом отношении он разделяет антиисторизм классического средневековья"⁹. О том же писал итальянский дантолог Корренти: "Ciò che trasse in errore Dante fu la grande ombra dell' Impero Romano e l' altra allucinazione dei suoi tempi che il Popolo Romano vivesse ancora e durassero tutti ora i suoi diritti"¹⁰.

Данте тем легче было не усмотреть качественного различия между античностью и послеантичным периодом, что еще при жизни Данте в Риме сохранялись и действовали некоторые учреждения, восходившие к римской древности. Римский сенат, власть которого распространялась, правда, только на город Рим, действовал еще в XIII в., считаться с ним приходилось и папам и императорам. Арнольд Брешианский в XII в. предлагал реформы в духе возврата к римскому государственному устройству, а Кола ди Риенцы в 1347 г. сумел, правда, на короткое время прийти к власти в Риме под лозунгами восстановления прав римского народа. Он вынудил феодалов присягнуть республике и провозгласил Рим столицей мира. Но римская республика Кола ди Риенцо оказалась эфемерным образованием. Идея возрождения античного Рима была не менее утопичной, чем идея переустройства мира по дантевскому образцу. Но разница между этими двумя утопистами в пользу Данте, которого следует считать более прозорливым политическим мыслителем, чем Кола ди Риенцо. Данте не защищал Римскую рес-

⁸ Бицилли П. М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916, с. 365.

⁹ Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.-Л., 1964, с. 225.

¹⁰ "Что привело Данте в заблуждение, так это колоссальная тень Римской империи, а также еще одна галлюцинация его времени: мысль, что римский народ якобы еще существует и все его права по сей день сохраняют свою силу (перевод мой. - В. Б.). См.: Bolletino della Societa Dantesca Italiana, XXII (1915),

р. 47. Цит. по кн.: Vinello N. Il Trattato della monarchia di Dante Alighieri. Genova, Stabil. Grafico Edit., 1921, р. II.

публику как таковую, ибо она не выдержала испытания историей. Данте, как и многие другие мыслители Древнего Рима, считал, что алчность стубила и Римское государство, и многие современные ему государства. Только всемирный монарх, по Данте, будет свободен от алчности, ибо ему нечего желать, он и так имеет все: "Его юрисдикция ограничена лишь океаном" ("Монархия", I. XI). Поэт осуждает излишества, роскошь, лень, изнеженность и разврат, первопричиною которых служит, по Данте, алчность.

Нельзя не увидеть, как это, а также другие места и высказывания Данте перекликаются с официальными лозунгами идеализируемого им Августа. Так же, как это делал Август, Данте призывает к возврату старых патриархальных нравов — идеи, нашедшие такое яркое выражение в произведениях Вергилия, идеолога официального Рима эпохи Августа (мы находим их и в "Буколиках" и в "Георгиках"). За осуждение пороков римского общества Данте более всего ценит другого певца века Августа, а именно Горация, для которого у Данте находится только один эпитет — "сатирик", всего творчества Горация, конечно, не исчерпывающий.

L' altro è Orazio, satiro, che viene (Inferno, IV, 88).

"Другой, идущий сюда, сатирик Гораций".

В "Пире", доказывая гибельность богатства для души того, кто им обладает, Данте дважды ссылается на Лукана, автора "Фарсалии", героем которой был Катон Утический (Марк Порций Катон Младший, сражавшийся против Цезаря под знаменами республики, покончивший самоубийством в Утике в 46 г. до н.э., убедившись в невозможности продолжать борьбу). Лукан был любимым поэтом Данте, а Катона поэт сделал стражем Чкстилища. Исторический Катон мало интересовал его: Данте изображает Катона старцем с большой седой бородой, хотя ему в момент самоубийства было всего 46 лет. Вслед за Луканом, Цицероном и Сенекой Данте видел в Катоне пример непреклонной верности своему долгу, и за это великий флорентиец "простил" ему и то, что он был язычником, и то, что он боролся против Цезаря, и то, что он покончил жизнь самоубийством. Данте эти противоречия не смущали, ибо справедливость для него была превыше формальной логики. В "Пире" Данте идет еще дальше, утверждая: "И какой смертный муж более, чем Катон, достоин обозначать собою бога? Конечно, ни один" (Пир, IV, XXVШ)¹¹.

¹¹ Данте Алигьери. Малые произведения, с. 265.

лия Цезаря, а также Луция Юния Брута, изгнавшего из Рима, согласно преданию, последнего римского царя Тарквиния Гордого, который запятнал себя гнусным преступлением, Данте помещает в Лидо (мы помним, что Лидом Юний Альбин Брут, убица Цезаря томит-ся в пасти Люцифера). Убийство идеального монарха Данте счита-ет тягчайшим грехом, изгнание же дурного царя славным подви-гом, достойным подражания. Данте верил в то, что выподившиеся потомки древних римлян — его современники — смогут "излечить-ся", ибо не только наглядные примеры доблести, порока, божест-венного воздаяния каждому по заслугам его, но и философские и моральные поучения, практические политические советы и, након-ец, личный пример уже дал им он, Данте Алигьери не ради сво-ей выгоды, а лишь из любви к свободе, разуму и справедливости. Справедливость же толковалась Данте в традициях римского пра-ва... С помощью "языческой" античной литературы и возрожденно-го в эпоху становления национальных государств Европы римского права Данте ломал всю средневековую иерархию и устанавливал, пусть только в своей фантазии, власть разума над землей. Этот лозунг воодушевлял спустя пять столетий и деятелей французской буржуазной революции¹². Катон, Брут Старший, Лукан, Цицерон — таков список римских республиканцев, которых Данте глубоко чтит, и его можно было бы продолжить. Остановимся более под-робно на образе Вергилия у Данте. Почему именно Вергилий стал для Данте учителем, защитником, пастырем в мрачном мире Ада и Чистилища? Мы знаем, что Вергилий был самым читаемым и одно-временно самым чтимым поэтом Рима эпохи Августа, что, будучи почти официальным идеологом принципата, он не вмещался в эти узкие рамки. Как и Данте, считавший себя правоверным христиа-нином, он был весьма далек от того, чтобы всю свою человечес-кую сущность жертвовать сухой догме. Вергилий выразил всю свою эпоху, как Данте — свою. И хотя Вергилий не был сторонни-ком царской власти, а Данте мечтал о всемирной монархии, основ-ная идея "Энеиды" — "прославление римской державы, оставшей-ся для Данте идеалом"¹³ — не могла не найти отклика в душе поэ-та. Сыграла, конечно, свою роль и знаменитая IV эклога Верги-

¹² Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая куль-тура, с. 54.

¹³ Елина Н.Г. Данте. М., 1965, с. 93.

лия, которую христианские идеологи истолковывали как пророчество о "пришествии спасителя".

Данте видел в "Энеиде" не только апологию всемирного господства римской державы, он находил в ней источник моральной стойкости, поучительные образцы добродетели, примеры, достойные подражания. Вот почему Данте всецело становится на сторону Энея, покинувшего Дидону, давшую ему столько "радостей" и "наслаждений", чтобы вступить "на путь честной, похвальной и плодотворной жизни" ("Пир", IV, XXVI)¹⁴. Содержащаяся здесь мысль о несовместимости "радостей и наслаждений" с "честной, похвальной и плодотворной жизнью" восходит к стоической морали, увлекавшей последних республиканцев Рима. В то же время здесь нашла отражение и средневековая христианская идеология, как указывает Гаспари: "Вергилий, которого Данте представлял себе, уже не является подлинным Вергилием, он получил средневековую дантовскую физиономию"¹⁵. Но славя борцов за свои убеждения, жертвующих собой во имя любви к родине, к своему народу, деятелей, а не созерцателей, Данте просто был вынужден обращаться к героям древнеримской литературы, ибо в житиях святых таких героев нельзя было найти. Мы поэтому не можем целиком согласиться с Гаспари: верно, что дантевский Вергилий - не подлинный Вергилий, но неверно безоговорочно постулировать для этого Вергилия "средневековую физиономию". Мораль Данте была ближе к античной, чем христианской, и это хорошо показал Голенищев-Кутузов, анализируя одно из многих мест "Комедии", где упоминается "Энеида": "Вместе с тем Данте безжалостен к слабым, ко всем, кто не выдерживает напряжения, необходимого для великих свершений:

А те, что утомленья не снесли,
Когда Эней на подвиг ополчился,
Себя бесславной жизни обрекли.

("Чистилище", XУШ, 136-138. Пер.М.Лозинского).

Суровая требовательность поэта более соответствует моральному кодексу античности, чем христианского средневековья"¹⁶.

¹⁵ Гаспари А. История итальянской литературы. М., 1895, т. I, с. 377.

¹⁶ Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971, с. 56.

А нижеследующее поучение Вергилия своему спутнику стало хроматическим:

... Sgghendo in piuma
in fama non si vien, ne sotto coltre
senz'alaqual chi sua vita consuma
cotal vestigio in terra di se lascia
Qual fumo in aere od in acqua la schiuma.
(Inferno, XXIV, 47-51)

... лежа под периной,
Да сидя в мягком, славы не найти.
Кто без нее готов быть взят кончиной,
Такой же в мире оставляет след,
Как в ветре дым и пена над пучиной.

(Пер. М. Лозинского).

Еще Г. Фойгт указывал, что в этом наставлении четко выражена глубоко антихристианская античная идея: "В одном пункте (мы уже видели, что не только в одном. — В.Б.) сквозь церковные воззрения Данте резко пробивается античная идея... это мысль о посмертной славе. Церковь обещала верующему, исполняющему все ее заповеди, награду в будущей жизни. Желание искать награды за земную деятельность в славе среди современников и потомков замешено из жизни древних и далеко уж не христианский принцип"¹⁷. Данте в XIII в. сумел нанести немало ударов всецело господствовавшей тогда, господствовавшей и над ним самим, церковной догме. И в этом ему неоценимую помощь оказали античные идеи и образы, и не в последнюю очередь традиционные республиканские идеалы.

Одной из субъективных причин краха средневековой феодальной системы в целом было то, что два столпа этой системы — папство и императорская власть — ослабили себя во взаимной борьбе, что стимулировало рост национального самосознания народов Европы, усиление национальных государств (Италия была печальным исключением). Данте со всем жаром включился в эту борьбу, но было бы ошибкой утверждать, что он встал на сторону императоров против пап. Создав абстрактный идеал всемирного монарха, Данте не считал свой идеал абстрактным. По словам П.М. Бицилли, "сред-

¹⁷ Фойгт Г. Возрождение классической древности или первый век гуманизма. Пер. И.П. Рассадина. М., 1888, т. I, с. 15-16.

невековье не мыслит абстрактной идеи без ее конкретного воплощения"¹⁸. И Данте увидел воплощение своей мечты в Генрихе УП Люксембургском. Поэт упорствовал в своем увлечении, и после смерти Генриха УП он продолжал бороться за то, чтобы пришел новый идеальный правитель: "Нес", который прогонит злую волчицу - "Алчность" ("Ад", I, 100-111).

Монархическая утопия Данте - об этом нельзя забывать - зиждется на принципе добровольного объединения свободных людей. В "Монархии" мы читаем: "Non enim cives propter consules, nec gens propter regem, sed e converso consules propter cives, rex propter gentem" (De Monarchia, I, XII).

"Здесь не граждане существуют ради консулов, и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа"¹⁹. Симптоматично, что у дантевского монарха нет "подданных"; идеальный царь властвует над гражданами через избранных ими консулов.

Данте гордился тем, что он - не чета большинству своих современников, забывших о том, чьими потомками они являются. Отойдя от гибеллинов и не примкнув к гвельфам, он с презрением писал о тех и о других:

В обоих станах, увидав твой труд,
Тебя взалкают, только попустому,
И клювы их травы не зашипнут.
Пусть фьезольские твари, как солому,
Пожрут себя, не трогая росток,
Коль в их навозе место есть такому,
Который семя чистое сберет
Тех римлян, что когда-то основались
В гнездилище неправды и тревог.

(*"Ад"*, XV, 70-78. Пер. М. Лозинского).

Поэт считал себя потомком древних римлян не только по духу, но и по крови, ибо он был коренным флорентийцем, а "непосредственное происхождение флоренции от Рима - один из основных мотивов флорентийской исторической традиции. Когда Фьезоле был разрушен, из римлян и флорентийцев был составлен новый город,

¹⁸ Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919, с. 89.

¹⁹ Данте Алигьери. Малые произведения, с. 316.

наподобие города Рима. Был здесь сооружен и Капитолий, и водопровод, и термы, как в Риме, и город прозывался малым Римом, это было первое имя Флоренции... в этом происхождении был источник благородства флорентийцев"²⁰. Гуманист Леонардо Бруни, биограф Данте, писал: "Данте утверждал, что он - римского семени, а не фьезоланского, из смешения каковых и возникло флорентийское гражданство"²¹.

"Чужаки", "пришлые", по мнению Данте, портили флорентийскую кровь, то есть кровь "popolo Romano". И всю XVI песнь "Рая" Данте посвящает осуждению "вонючих мужиков", "жадных на взятки синьезцев" и скорбит об угасании древних знатных флорентийских родов. Вывод его следующий:

Sempre la confusion della persone
Principio fu del mal della cittade
(Par., XVI, 67-68).

Всегда смешение людей

Было началом бедствий города.

(Пер. мой. - В.Б.)

Это презрение к "плебсу", к "вонючим мужикам", вполне уместное в устах Данте - преемника древнеримских традиций, как-то не является с обликом поэта, якобы стремившегося к объединению итальянцев. Менее всего можно приписывать Данте тенденцию к объединению "хороших" с "дурными"; критерии различия добра и зла в политической жизни он брал у своего века, и при попытке их практической реализации потерпел неудачу. Но Данте-поэт краха не потерпел. "Данте в гораздо большей степени выражал всеобщую сущность человечества, чем партия гибеллинов, к которой он принадлежал. Поэтому он вынужден был стать "сам себе партией". Однако показательно, что при этом он все же "сам себе партия" и, противопоставляя себя целому, он не уходил от общественной борьбы и его бесконечный идеал наполнен конкретно-историческим

²⁰ Бицилли П.М. Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века, с. 361.

²¹ Гревс И.В. Из "Studi danteschi". Первая глава трактата Данте "De Monarchia". (Опыт исторического толкования). - В кн.: Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов в честь 50-летия научной жизни Н.И.Кареева. Пг.-М., 1923, с. 128.

содержанием"²². Вспомним, что Данте неизменно называл себя не итальянцем, а флорентийцем. На его гробнице в Равенне можно прочесть эпитафию, сочиненную им самим:

Hic claudor Dantes patriis extorris ab oris.

*Quem genuit parvi Florentia mater amoris*²³.

Здесь покоится Дант, из милого изгнанный края.

Так поступила с певцом Флоренция, родина злая²⁴.

Но все же Данте послужил делу объединения Италии, и Энгельс не случайно особо подчеркивал, характеризуя Данте, его национальную принадлежность. Его вклад в создание итальянского языка сопоставим с тем, что сделал для русского А.С. Пушкин. (*il padre della lingua*). И Данте, и Пушкин многое использовали и творчески переосмыслили из наследия античности и прежде всего из наследия Древнего Рима (как известно, и Данте, и Пушкин владели латинским языком и не владели греческим). Но если не только для Пушкина, но уже для Петрарки античность была иным, в основных и существенных чертах отличавшимся от современности миром, то для Данте античность не то чтобы не отличалась от современности, но просто не воспринималась как качественно иная эпоха. С полным правом мы можем сказать, что Данте не только последний поэт средневековья, не только первый поэт нового (то есть буржуазного) времени, но и последний в мировой литературе гений, который был в античном мире не гостем, не пришлым чужаком, а равным среди равных — Гомера, Вергилия, Овидия — так это было в IV песне "Ада", так это было и есть в действительности. Но разве Данте только первый поэт буржуазной эры, зарю которой он собою ознаменовал? Разумеется, нет! Данте вместе с античностью принадлежит новому миру, он принадлежит всем.

---

²² Гачев Г.Д. Развитие образного сознания в литературе. — В кн.: Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Образ. Метод. Характер. М., 1962, с. 222.

²³ Gasparo Martinetti Cardoni. Dante Alighieri in Ravenna. Memorie storiche con documenti. Ravenna, 1864, p. 74.

²⁴ Данте Алигьери. Малые произведения, с. 405.